

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ

О дѣятельности Астраханскаго Епархіальнаго Комитета по распространенію христіанства среди калмыковъ и киргизовъ за все время его существованія (1871—1909 г.г.).

I. О миссіонерахъ.

Общій взглядъ на предметъ. Дѣло миссіи, какъ и всякое серьезное дѣло, требуетъ знающихъ и умѣлыхъ дѣлателей. Миссіонеръ долженъ знать не только проповѣдуемую имъ вѣру, но и тѣхъ людей (ихъ языкъ, ихъ вѣрованія, ихъ нравы и обычаи), къ которымъ онъ идетъ съ проповѣдью. Безъ этого знанія трудно надѣяться на успѣхъ миссіи. Астраханскій Комитетъ, при самомъ возникновеніи своемъ, ясно сознавалъ это, а потому одною изъ первыхъ своихъ задачъ поставилъ -- приготовленіе и пріисканіе свѣдущихъ и достойныхъ миссіонеровъ. Подготовленіе дѣтей къ миссіонерскому дѣлу производится, во первыхъ, при содѣйствіи мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и чрезъ посылку стипендіатовъ въ епархіальные учебныя заведенія, а во вторыхъ, чрезъ учрежденіе собственныхъ миссіонерскихъ школъ. Разыскивались-же знающіе и благонадежныя миссіонеры прежде всего, конечно, среди мѣстнаго духовенства, а потомъ и за предѣлами своей епархіи. Не менѣе важною заботою для Комитета было и содѣйствіе миссіонерамъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности чрезъ снабженіе ихъ необходимыми пособиями для проповѣданія Слова Божія и матеріальными средствами для свободнаго передвиженія по степи.

A) О подготовкѣ и пріисканіи миссіонеровъ.

1. О подготовкѣ миссіонеровъ. Какъ извѣстно, еще въ 1840 г. съ 1-го апрѣля открыты были при духовномъ училищѣ и семинаріи классы калмыцкаго языка, чтобы приготовить священниковъ, знающихъ калмыцкій языкъ, которые могли бы способствовать распространенію христіанства между язычниками; а для удобнѣйшаго изученія разговорнаго

языка предписано было при духовномъ училищѣ (бывшемъ тогда нераздѣльно съ семинаріей) имѣть 12 казеннокошныхъ вакансій для калмыцкихъ крещеныхъ мальчиковъ. Неудивительно, что какъ только возникъ въ Комитетѣ вопросъ о подготовленіи миссіонеровъ, то и рѣшено было обратиться къ этому давнему средству, не справляясь о томъ, насколько оно было пригодно въ прошломъ. Найдено было 5 калмыцкихъ мальчиковъ, открыть былъ для нихъ при училищѣ особый приготовительный классъ, приставленъ къ нимъ кончившій курсъ семинаріи и знающій калмыцкій языкъ учитель — и дѣло подготовленія началось съ сентября 1871 учебнаго года. Къ сожалѣнію, намъ не удалось отыскать въ училищномъ архивѣ свѣдѣній не только объ успѣхахъ калмычатъ, но даже объ именахъ и фамиліи ихъ. Видно только, по ежегодно увеличившимся остаткамъ отъ назначенныхъ на ихъ содержаніе 600 рублей, что число ихъ съ каждымъ годомъ таяло, а черезъ 4 года о нихъ въ училищныхъ бумагахъ не осталось никакого слѣда. Это оскудѣніе, безъ сомнѣнія, и заставило Преосв. Хрисанѳа въ 1876 году обратиться въ св. Синодъ съ ходатайствомъ, чтобы разрѣшено было, въ видахъ усиленія православной миссіонерской дѣятельности среди калмыковъ, допускать некрещеныхъ калмыцкихъ дѣтей въ духовныя училища астрах. епархіи. Св. Синодъ разрѣшилъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы некрещенные калмыцкіе мальчики во время обученія въ духовномъ училищѣ до принятія ими св. крещенія, жили въ особомъ при архіерейскомъ домѣ пріютѣ, содержимомъ на средства того дома и при пособіи отъ миссіонерскаго Комитета. Въ 1877 году принято было для обученія въ духовномъ училищѣ 3 некрещеныхъ калмыцкихъ мальчика, которые и помѣщены при архіерейскомъ домѣ на полное содержаніе. Въ училищѣ они посѣщали все безъ исключенія уроки, въ томъ числѣ и Законъ Божій, — послѣдній, впрочемъ, необязательно. О судьбѣ и этихъ трехъ питомцевъ ничего не извѣстно. Затѣмъ въ 1884 году опредѣленъ въ училище крещеный калмыцкій мальчикъ 11 лѣтъ Андрей Дворниковъ, а въ 1886 году опредѣленъ туда же другой такой же мальчикъ (вѣроятно, Добросердовъ). Изъ нихъ одинъ былъ на епархіальномъ содержаніи, а другой на счетъ архіерейскаго дома. Ни тотъ, ни другой не кончили семинарскаго курса и къ миссіонерскому дѣлу не пристали. Въ 1888 году въ архіерейскій домъ принять былъ малолѣтній крещеный калмыцкій мальчикъ Петръ Воробьевъ по несостоятельности лицъ, крестившихъ и обязавшихся вос-

питывать его. Сначала онъ съ успѣхомъ обучался въ образцовой при семинаріи школѣ, потомъ помѣщенъ въ 1 классъ дух. училища, гдѣ и содержался на средства архіерейскаго дома. Объ этомъ питомцѣ тоже никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Для объясненія столь печальнаго явленія, обратимся къ нѣкоторымъ фактическимъ даннымъ, приведеннымъ въ 1882 году Прот. П. Смирновымъ въ особомъ мнѣніи къ проекту устройства калмыцкой школы при астрах. духовной семинаріи. Указавъ на трудность найти для школы калмыцкихъ мальчиковъ, такъ какъ они съ 10-ти лѣтняго возраста являются уже помощниками отцу, или роднымъ въ степномъ хозяйствѣ, протоіерей сообщаетъ: „Покинуть родныхъ и знакомыхъ, добровольно уйти изъ привольныхъ степей, перемѣнить кочевую жизнь на осѣдлую, калмыки считаютъ несчастіемъ, выше котораго не можетъ быть для кочевника. Вслѣдствіе чего помѣщеніе калмыцкихъ мальчиковъ въ училищѣ при семинаріи на нѣсколько лѣтъ оторветъ ребенка отъ привольныхъ степей и поселитъ въ нихъ тоску по родинѣ, а потому и апатію къ ученію. Въ этомъ убѣждаетъ опытъ прошлаго времени. Около 20 лѣтъ состоя на службѣ при астрах. дух. училищѣ, я замѣчалъ, что круглые сироты изъ калмыцкаго племени, доставлявшіяся въ дух. училище уѣздными священниками, пока были малы (8—10 лѣтъ), не понимали своего положенія, жили въ училищѣ, подчинялись правиламъ общежитія и кое-какъ учились. Лишь только достигали возраста 13—14 лѣтъ и были переводимы въ 3 и 4 классы (большею частью по снисходительному экзамену), они самовольно оставляли училище и уходили въ степь. Почему училищное начальство неоднократно вело продолжительныя переписки съ Главнымъ Калмыцк. Управленіемъ о розыскѣ между кочевниками калмыцкихъ мальчиковъ, бѣжавшихъ изъ училища. Бывали случаи, что ихъ находили и представляли въ училище, но это было не надолго. При первомъ удобномъ случаѣ, а особенно если ихъ навѣщали некрещеные родственники, они опять оставляли училище и послѣ нѣсколькихъ подобныхъ фактовъ ихъ исключали изъ училища, и они пропадали безслѣдно, обращаясь, по всей вѣроятности, опять въ язычество. Вотъ почему изъ калмычатъ, представленныхъ въ училище въ возрастѣ отъ 8—10 лѣтъ, ни одинъ не окончилъ курса семинаріи и не достигъ степени священства. Такимъ образомъ, пріохочиваніе крещеныхъ калмычатъ къ ученію въ проектируемомъ училищѣ при семинаріи съ миссіонерскою цѣлію

составляет утопію, Недавнее бѣгство калмычатъ изъ города въ степь, которое случилось уже во время существованія Астрах. Комитета, служить яснымъ подтвержденіемъ этой истины. Преосв. Хрисановъ набралъ было нѣсколько калмыцкихъ мальчиковъ (въ числѣ ихъ были и некрещенные), которые жили на содержаніи архіерейскаго дома, а учиться ходили въ Астрах. дух. училище; но и эта попытка пріоходить сыновъ степей къ ученію потерпѣла полнѣйшую неудачу. Поживши года два между русскими, калмычата, одинъ по одному, все разбѣжались по своимъ кочевьямъ. Случай бѣгства некрещенныхъ калмыцкихъ дѣтей изъ здѣшняго калмыцкаго училища при Главномъ Управленіи калмыцкимъ народомъ, составляютъ обыденное явленіе“. Таковы вѣдншія обстояательства, разрушающія все благія предиріятія Комитета къ приспособленію для своихъ цѣлей калмычатъ. Столь же неблагопріятна для миссіонерскаго дѣла и самая постановка преподаванія калмыцкаго языка въ дух. училищѣ и семинаріи. Вотъ какія свѣдѣнія сообщены были Комитету относительно обученія калмыцкому языку въ 1890—1 учебномъ году.

1) Г-въ смотритель дух. училища сообщалъ: а) въ дух. училищѣ калмыцкій языкъ преподается воспитанникамъ только III и IV кл.; б) уроковъ часовыхъ дается въ недѣлю по одному въ каждомъ классѣ; во всехъ обучающихся въ обоихъ классахъ 77 учен.; в) учебный матеріалъ языка изучается въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ изложенъ въ учебникѣ подъ заглавіемъ „Калмыцко-русскій букварь для обученія грамотѣ калмыцкихъ дѣтей“; учебнымъ пособіемъ служатъ „Русско-калмыцкій словарь“; д) воспитанники III и IV кл. изучаютъ калмыцкій языкъ хотя добровольно и съ охотой, но не многіе изъ нихъ, послѣ двухлѣтняго обученія, вполне овладѣваютъ механизмомъ калмыцкаго письма и чтенія, заучивая только общеупотребительныя калмыцкія слова съ русскимъ ихъ значеніемъ. Причина тому — крайне ограниченное число уроковъ по калмыцкому языку, сверхштатное положеніе этого предмета въ ряду другихъ учебныхъ предметовъ и обиліе учебнаго матеріала по другимъ наукамъ училищнаго курса. 2) Изъ донесенія ректора семинаріи видно, что и тамъ на калмыцкій языкъ удѣлялось два урока въ недѣлю, обучалось изъ всехъ классовъ только 21 ученикъ, съ которыми и проходило по грамматикѣ А. Попова о буквахъ, составѣ словъ и частяхъ рѣчи. Особой программы по преподаванію сего языка нѣтъ. Усильи учителей, по заявленію самого учителя, неultz

назвать и довольно удовлетворительными". Это зависит от слѣдующихъ причинъ: а) необязательность изученія калмыцкаго языка и б) изученіе калмыцкаго языка, вслѣдствіе малообработанности его и недостаточности учебныхъ пособій, требуетъ отъ учащихся усиленнаго труда, что невозможно для учениковъ семинаріи, при серьезныхъ занятіяхъ ихъ другими учебными предметами. Что касается прямой цѣли обученія въ семинаріи калмыцкому языку, сообщалось въ заключеніи, то есть, подготовленія обучающихся къ миссіонерскому служенію, то эта цѣль со-всѣмъ не достигается, по отсутствію практики въ разговорной калмыцкой рѣчи воспитанниковъ семинаріи. Воспитанники занимаются только книжнымъ языкомъ; но существуетъ громадная разница между языкомъ книжнымъ и живой народной рѣчью калмыковъ".

Въ 1896 году прибывшій на ревизію Астраханскихъ духовно-учебныхъ заведеній Григоровскій обратилъ вниманіе на то, что изученіемъ калмыцкаго языка занимаются очень немногіе воспитанники семинаріи; по поводу чего Св. Синодъ предписалъ Астраханскому преосвященному сдѣлать распоряженіе, чтобы семинарское правленіе всемірно располагало воспитанниковъ къ изученію калмыцкаго языка. Правленіе съ слѣдующаго же года ввело обязательное изученіе этого языка для всѣхъ учениковъ, поступающихъ въ семинарію изъ мѣстнаго духовнаго училища съ отличными и очень хорошими успѣхами въ занятіяхъ по названному языку, а также опредѣлило 3-хъ лѣтній курсъ обученія при 3-хъ урокахъ въ недѣлю (вмѣсто двухъ). Но пользы отъ этой мѣры не было никакой.

Столь ненормальная постановка дѣла съ плачевными результатами привела, наконецъ, къ мысли о безцѣльности дальнѣйшаго преподаванія калмыцкаго языка въ духовной школѣ. Вопросъ объ этомъ поднятъ былъ въ 1906 г. XXIX Съездомъ духовенства астрахан. епархіи, которой, по рассмотрѣніи смѣты астрах. муж. духовнаго училища на 1907 г. журналомъ своимъ отъ 16 іюня постановилъ: «упразднить съ начала слѣдующаго учебнаго года должность учителя калмыц. языка, такъ какъ на Калмыцкомъ Базарѣ существуетъ специальное учебное заведеніе съ одной стороны, а съ другой—потому, что занятія калмыцкимъ языкомъ не приносятъ замѣтной пользы, а между тѣмъ отнимаютъ у учениковъ учебное время". Получивъ аналогичные отзывы по сему вопросу изъ Правленія семинаріи и училища, Преосвященный Георгій рапортомъ отъ.

16 апр. 1907 г. вошелъ съ ходатайствомъ предъ св. Синодомъ объ упраздненіи каѳедры калмыц. языка въ астрах. дух. училищѣ и семинаріи, объясняя между прочимъ, что при настоящихъ условіяхъ высокія миссіонерскія цѣли изученія калмыц. языка въ названныхъ учеб. заведеніяхъ не достигаются. Учебный Комитетъ при св. Синодѣ, куда направлено было дѣло, своимъ отношеніемъ отъ 14 іюня 1907 года просилъ Правленіе астрах. семинаріи доставить въ Комитетъ историко-статистическія свѣдѣнія о томъ, сколько воспитанниковъ въ разные годы обучалось калмыцкому языку въ семинаріи; много ли изъ нихъ поступало, по окончаніи семинарскаго курса, на священнослужительскія и учительскія должности въ приходы съ калмыцкимъ населеніемъ; сколько числится въ астраханской епархіи такихъ приходоѡ, которые нуждаются въ знающихъ калмыцкій яз. пастыряхъ, а также сообщить, какія мѣры принимало съ своей стороны Правленіе семинаріи къ надлежащей постановкѣ обученія воспитанниковъ калмыц. языку съ цѣлью не только пріохотить воспитанниковъ къ занятію этимъ предметомъ, но и внушить имъ желаніе, по выходѣ изъ семинаріи, практически использовать знаніе калмыцкаго яз. на миссіонерскомъ среди калмыковъ поприщѣ. Долго собирались требуемыя свѣдѣнія, изъ разныхъ мѣстъ, и все онѣ собственно для калмыцкаго языка, какъ учебнаго предмета, были неблагопріятны. Такъ, напр., число обучающихся въ Семинаріи по предмету калмыцкаго яз. за послѣдніе 21 годъ (съ 1885 и до 1907 г.) было весьма неустойчиво и въ общемъ незначительно (отъ 5 до 34 ученик. въ годъ). Въ 1906—7 же учебномъ году немногіе воспитанники (11 чел.), посѣщавшіе до этого времени уроки калмыцкаго языка, совсѣмъ отказались изучать его, въ томъ числѣ двое (Бровкинъ и Токаревъ), принятые изъ двухъклассной калмыцкой школы съ спеціальною цѣлью подготовки къ миссіи 1). По справкѣ съ класснымъ журналомъ оказалось, что изъ записанныхъ въ журналъ съ сентября до 27 марта 1907 г. 37—и уроковъ въ дѣйствительности дано 26 при одномъ и весьма рѣдко (не больше 2—3-хъ разъ) при двухъ и трехъ ученикахъ. Въ приходахъ съ калмыцкимъ населеніемъ состояло 5 священнослужителей изъ окончившихъ курсъ семинаріи, но изъ нихъ только двое изучали калмыцк. яз. въ семинаріи; на учительскихъ же должностяхъ въ означенныхъ приходахъ

1) О разрѣшеніи принять ихъ въ семинарію Комитетъ входилъ съ особымъ ходатайствомъ предъ св. Синодомъ (Огч. 1904 г. 15 стр.).

не оказалось ни одного семинариста. Въ прежнее время нѣкоторые изъ воспитанниковъ семинаріи русскаго происхожденія приобрѣтали весьма достаточныя и даже отличныя знанія по калмыцкому языку, но не сдѣлались миссіонерами. Равнымъ образомъ изъ воспитанниковъ калмыцкаго происхожденія за все время существованія инородческой миссіи въ астрах. епархіи, не смотря на настоянія епархіальнаго начальства, никто не согласился занять должность инородческаго миссіонера и даже поступить въ приходъ съ частію калмыцкаго населенія. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ одинъ природный калмыкъ о. Лопатинъ, который, по окончаніи учительской семинаріи, слушалъ богословскіе предметы въ V и VI кл. астрах. семинаріи, послѣ чего назначенъ былъ миссіонеромъ Уланъ-Эргеневскаго стана. Изъ мѣропріятій къ поднятію успѣшности преподаванія калмыцкаго языка практиковались — по отношенію къ прежнему преподавателю (Воронцову) посылка его въ калмыцкія степи для знакомства съ разговорнымъ языкомъ и бытомъ калмыковъ и предложенія усилить свои занятія, а вмѣсто наличнаго преподавателя (Бадмаева) ламаита и съ среднимъ образованіемъ семинарское начальство пыталось пригласить другое лицо съ высшимъ образованіемъ и христіанскаго вѣроисповѣданія, но желающихъ занять мѣсто въ Астрахани не оказалось. Объ всемъ этомъ представлено было въ Учебный Комитетъ. Въ слѣдъ за симъ на имя Преосвященнаго поступилъ указъ изъ Св. Синода отъ 30 мая 1908 г. за № 6436, въ которомъ изложено: „Принимая во вниманіе съ одной стороны, что та цѣль, съ какою было введено въ астрах. дух. семинаріи и муж. училищѣ преподаваніе калмыцкаго языка, въ настоящее время не достигается, вслѣдствіе уклоненія воспитанниковъ отъ изученія этого языка и нежеланія ихъ, по окончаніи курса, поступать въ священники въ приходы съ калмыцкимъ населеніемъ; а съ другой стороны, что въ Астраханской епархіи съ 1900 г. основана на такъ называемомъ Калмыцкомъ Базарѣ специальная двухклассная съ учительскими курсами школа для калмычатъ, имѣющая своей задачей удовлетвореніе потребности мѣстной миссіи среди калмыцкихъ племенъ, Св. Синодъ, согласно изъясненному ходатайству и заключенію Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: отмѣнить преподаваніе калмыцкаго языка въ Астрах. духовной семинаріи и духовн. училищѣ“. Указъ направленъ былъ въ семинарію къ исполненію и въ копіи сообщенъ дух. училищу.

Одновременно съ попытками приготовить достойныхъ для миссіи

кандидатовъ въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Астрах. Комитетъ почти съ первыхъ лѣтъ своего существованія задавался мыслию завести своихъ *стипендіатовъ*. Вопросъ о степендіяхъ возникъ еще въ декабрь 1873 г. по предложенію Преосв. Θεогноста. Комитетъ съ полнымъ сочувствіемъ присоединился къ этому предложенію и опредѣлялъ учредить двѣ стипендіи по 150 руб. каждая съ тѣмъ, чтобы этими стипендіями пользовались два воспитанника мѣстной семинаріи изъ учениковъ 4-го кл., избранные Правленіемъ семинаріи и изъявившіе добровольное соглашеніе, по окончаніи курса ученія, поступить миссіонерами по усмотрѣнію епархіальнаго начальства съ назначеніемъ имъ жалованья не менѣе 600 руб. въ годъ и сверхъ того денежнаго пособія на первоначальное обзаведеніе. Срокъ обязательной службы назначался не менѣе 5 лѣтъ. Для приготовленія же себя къ миссіонерскому званію стипендіаты, кромѣ изученія наукъ семинарскаго образованія, должны не только заниматься изученіемъ калмыцкаго языка, но и знакомиться подъ руководствомъ преподавателя съ исторіей, образомъ жизни, обычаями и вѣрованіями калмыковъ, для чего изъ средствъ Комитета опредѣлено отпускать ежегодно по 20 руб. на выписку соответствующихъ книгъ. По представленіи о семъ въ Московскій Совѣтъ Мисс. О-ва, полученъ былъ отъ 19 октября 1874 г. отвѣтъ: „Предложить Комитету, не угодно ли ему будетъ вмѣсто постоянныхъ стипендій, на время, въ видѣ опыта, ограничиться выдачею пособій ученикамъ семинаріи, которые изъявятъ желаніе поступить на миссіонерск. служеніе, въ такихъ, по усмотрѣнію Комитета, размѣрахъ, какіе укажутъ обстоятельства, и такому числу лицъ, какому будетъ возможно и нужно. Таковую мѣру вспоможенія, вмѣсто обязательныхъ стипендій, Совѣтъ находилъ болѣе удобною потому, что при ней Астрах. Комитетъ сохраняетъ свободу дѣйствій и можетъ соразмѣрять пособія съ своими средствами—увеличивать ихъ по мѣрѣ надобности, или и вовсе лишать ихъ тѣхъ воспитанниковъ, которые окажутся не вѣрными своему обѣщанію (что часто случается съ молодыми людьми), или испортятся въ нравственномъ отношеніи. Что же касается до назначенія стипендіатамъ жалованья по 600 руб. и пособія на обзаведеніе съ обязательствомъ прослужить на миссіонерской службѣ не менѣе 5 лѣтъ, то такое жалованье, поговори уже о пособіяхъ, можетъ быть, по примѣру миссій Восточной Сибири, назначаемо и другимъ миссіонерамъ и даже увеличиваемо по мѣрѣ заслугъ и съ цѣлью

удержать достойныхъ людей долѣе на миссіонерской службѣ. Пятилѣтній же срокъ службы, назначаемыя стипендіатамъ въ предположеніи Комитета, поведетъ къ частой перемѣнѣ миссіонеровъ, такъ что пріобрѣвшіе опытности, во вредъ службѣ, часто будутъ замѣняемы людьми новыми и неопытными“. По выслушаніи отношенія Совѣта, Комитетъ согласно съ мнѣніемъ его постановилъ просить ректора семинаріи объявить ученикамъ семинаріи, не пожелаеетъ-ли кто изъ обучающихся калмыцкому языку заняться въ теченіи 3-хъ послѣднихъ лѣтъ ученія въ семинаріи спеціальнымъ изученіемъ какъ самаго калмыцкаго языка, такъ равно ознакомиться съ исторіей, образомъ жизни, обычаями и вѣрованіями калмыковъ для подготовленія себя къ миссіонерскому служенію; при чемъ обѣщалось имъ при поступленіи на мѣсто жалованье не менѣе 600 рублей въ годъ каждому и единовременное пособіе въ количествѣ 270 рублей, то-есть по 90 рублей за каждый годъ изученія ими калмыцкаго языка. Эта мѣра дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣла, равно какъ и намѣреніе преосвященнаго отпривать стипендіантовъ въ казанскую учительскую семинарію не осуществилось, такъ какъ директоръ семинаріи отъ 1 августа 1875 г. предлагалъ преосвященному, не найдетъ-ли онъ возможнымъ, взявъ стипендіатовъ, прислать двухъ или трехъ калмыковъ для упражненія въ переводахъ, подъ руководствомъ проф. Академіи В. Миротворцева, ввиду того, что Миссіонерское Об-во предположило учредить въ Казани: 1) Общество переводчиковъ христіанскихъ книгъ на все инородческіе языки въ Восточной Россіи и Сибири и 2) миссіонерскій пріютъ. По въ это время въ Астрахани былъ уже новый Преосвищ. Хрисанъ, при которомъ пошли новые порядки. Позднѣе, а именно въ 1884 г. Преосвищ. Евгеній отпривалъ стипендіатами въ Казанскую учительскую семинарію двухъ крещеныхъ калмычатъ Леонида Лопатина и Павла Вилывина. Послѣдній оказался очень слабого здоровья, почему, пробывъ годъ въ одной изъ инородческихъ школъ, онъ возвратился въ с. Замьянъ къ своему крестному отцу. Лопатинъ же въ 1888 г. окончилъ курсъ учительской семинаріи со званіемъ учителя начального училища и тогда же, согласно его желанію, по распоряженію Преосвященнаго, былъ пріятъ въ астраханскую духовную семинарію для изученія въ V и VI кл. спеціально богословскихъ предметовъ. Помѣщеніе и содержаніе онъ имѣлъ въ архіерейскомъ домѣ. По окончаніи курса семинаріи въ 1890 г. Лопатинъ былъ опре-

дѣленъ сначала помощникомъ миссіонера, а затѣмъ поступилъ самостоятельнымъ миссіонеромъ священникомъ, каковымъ состоитъ понынѣ. Это единственный питомецъ, доведенный Комитетомъ до предназначенной ему цѣли. Былъ случай выдачи Комитетомъ въ 1890 г. пособія (120 р.) слушателю монголо-калмыцкаго отдѣленія миссіонерскихъ курсовъ при Базанской дух. академіи Серафиму Аврорскому, который заявилъ Комитету искреннее желаніе потрудиться на миссіонерскомъ поприщѣ астрах. епархіи, и послѣ дѣйствительно нѣсколько лѣтъ служилъ въ одномъ изъ миссіонерскихъ становъ.

Обращаясь къ содѣйствію существующихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, Комитетъ въ тоже время заботился объ учрежденіи собственной специально-миссіонерской школы для подготовки дѣятелей по миссіи. Еще еп. Θεогностъ задумалъ въ 1871 г. открыть такую школу при Чуркинской пустыни. Но осуществить это намѣреніе удалось лишь Преосв. Хрисану въ 1876 году чрезъ открытіе пріюта для калмыцкихъ дѣтей въ сел. Четырехъ-Бугоринскомъ. Всѣхъ калмычатъ собрано было 10 чел. Преосвященный Хрисанъ съ особенною заботливостію относился къ дѣлу воспитанія «будущихъ миссіонеровъ». Такъ, когда завѣдующій пріютомъ свящ. Роверсовъ чрезъ 3 мѣсяца по открытіи пріюта доносилъ, что 5 мальчиковъ изъявили желаніе креститься, для чего присканы уже и воспріемники, а мальчики научаются молитвамъ, — преосвященный отъ 14 дек. 1876 г. писалъ завѣдующему: «Вамъ нужно строго держаться даннаго мною совѣта не спѣшить крещеніемъ мальчиковъ; поспѣшность въ этомъ дѣлѣ можетъ повредить цѣлямъ, съ какими устроенъ пріютъ. Если они дѣйствительно сами изъявляютъ желаніе креститься, то наставляйте ихъ въ вѣрѣ и не спѣша ведите дѣло оглашенія, чтобы желающіе обращенія сознательно приняли св. крещеніе, по крайней мѣрѣ, предварительно ознакомившись съ истинами вѣры. Начиайте готовить поэтому и крестите не всѣхъ вдругъ, а сначала того или тѣхъ, кто будетъ лучше приготовленъ. Это и для всѣхъ другихъ мальчиковъ будетъ побужденіемъ смотрѣть на крещеніе, какъ на дѣло святое и высокое, и съ этою цѣлію лучше учиться. Будущіе миссіонеры не должны быть крещены безъ надлежащаго приготовленія къ этому таинству». Между тѣмъ еще за долго до открытія пріюта тотъ же Преосвященный писалъ въ Свят. Синодъ отъ 26 сентября 1875 года: „Законъ 1862 г., запрещающій принятіе въ православіе

изъ язычества и нехристіанскихъ исповѣданій дѣтей, не достигшихъ 14-лѣтняго возраста, безъ согласія ихъ родителей и опекуновъ, представляеть однако же Св. Синоду дѣлать изъятіе изъ сего требованія по особымъ обстоятельствамъ и въ случаѣ особой нужды“. Указавъ далѣе, что этотъ законъ не удобопримѣнимъ къ полудикимъ калмыкамъ, среди которыхъ „не достигшій 14-лѣтняго возраста молодой калмыкъ, если онъ учится въ училищѣ, часто болѣе сознательнъ и болѣе развить умственно и нравственно, чѣмъ его отецъ или родственникъ. живущій въ глухой степи, а также сообщивъ, что калмыки часто бросаютъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы, которыя и подбираются русскими для воспитанія: преосвященный ходатайствовалъ объ изъятіи изъ закона 1862 г. калмыковъ Астраханской губерніи и испрашивалъ разрѣшеніе дозволить крещеніе калмыцкихъ дѣтей до 14-лѣтняго возраста безъ предварительныхъ сношеній съ ихъ родителями и опекунами. На свое ходатайство преосвященный не дождался отвѣта, а завѣдующій пріютомъ свящ. Реверсовъ 29 окт. 1878 года крестилъ всѣхъ пріютскихъ калмычатъ, хотя только одному изъ нихъ числилось полныхъ 14 лѣтъ, причеиъ всѣ они получили христіанскія имена, отчества и русскія фамиліи. Одинъ (Сергій Цвѣтковъ) вскорѣ по крещеніи тайно бѣжалъ изъ пріюта. Оказалось, что наканунѣ бѣгства былъ въ пріютѣ братъ этого мальчика, вызвалъ его въ ближайшую калмыцкую кибитку и уговорилъ его бѣжать съ нимъ въ степь. Благодаря принятымъ г. губернаторомъ и главнымъ попечителемъ калмыц. народа мѣрамъ, къ которымъ обратился Комитетъ за содѣйствіемъ, мальчикъ чрезъ два мѣсяца найденъ былъ въ Мочагахъ и препровожденъ въ пріютъ. Не смотря на усиленныя заботы о пріютѣ, дѣло воспитанія и обученія мальчиковъ шло плохо: учителя оказывались недостойными своего званія, за мальчиками уходъ былъ плохой, отъ чего они часто болѣли и нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось помѣщать для излѣченія въ Астрах. Приказъ Общ. Призрѣнія, а одинъ умеръ. За 6 лѣтъ обученія дѣти кое-какъ осилили начальную грамотность, и потому для цѣлей миссіи всѣ они оказались не пригодными. Такъ, по рекомендаціи завѣдующаго пріютомъ, одинъ изъ воспитанниковъ пріюта (Васильевъ), какъ болѣе подготовленный, преосвященнымъ назначенъ былъ въ маѣ 1880 г. переводчикомъ въ Уланъ-Эрге къ іером. Митрофану. Однако, послѣ 3-хъ мѣсячнаго проживанія на службѣ онъ оказался мало способнымъ къ отправленію сво-

ихъ обязанностей. почему возвращенъ былъ обратно въ пріютъ „для продолженія образованія, или для передачи его на попеченіе воспріемника его, если тотъ пожелаетъ взять его“. Черезъ годъ послѣ того, когда рѣшенъ былъ вопросъ о закрытіи пріюта, къ тому же іером. Митрофану опредѣленъ былъ другой воспитанникъ (Цвѣтковъ) „до усмотрѣнія переводчикомъ съ тѣмъ, чтобы онъ участвовалъ въ лѣтнія на каторгѣ и прислуживалъ въ церкви“. Жалованія положено было ему 10 руб. въ мѣсяць. Но пробылъ онъ на службѣ лишь осень и зиму; а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1882 г. іером. Митрофанъ уже писалъ Комитету, что Цвѣтковъ оказался „неудобнымъ за слабостію глазъ“, почему онъ и подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности для лѣченія глазъ въ г. Астрахани; причемъ о. Митрофанъ сообщилъ, что Цвѣтковъ забралъ у него въ долгъ денегъ 31 руб., за скудостію отпускаемыхъ ему средствъ, прося возвратить ихъ ему. Вотъ и вся польза отъ пріюта для миссіи, между тѣмъ на содержаніе его отпускалось ежегодно изъ комитетскихъ суммъ по 1171 р. 80 к.

На болѣе широкихъ началахъ была открыта въ г. Астрахани и начала свою дѣятельность 1 ноября 1894 года калмыцкая миссіонерская школа-пріютъ, созданная по образцу Казанской центральной крещено-татарской школы Н. И. Ильминскаго и примѣнительно къ типу 2-хъ-классныхъ церковно-приходскихъ школъ. Ближайшею задачею этой школы было приготовленіе чрезъ цѣлесообразное обученіе и воспитаніе изъ калмыцкихъ дѣтей полезныхъ дѣятелей на миссіонерскомъ поприщѣ среди калмыковъ и киргизовъ въ званіи учителей, псаломщиковъ, а затѣмъ священнослужителей миссіонеровъ. Обученіе дѣтей должно было производиться въ теченіе 4-хъ лѣтъ по программамъ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ; 5-й годъ назначался для практическихъ приготовленій учениковъ къ учительской и миссіонерской дѣятельности, послѣ чего болѣе способныхъ изъ нихъ предполагалось допускать къ слушанію богословскихъ наукъ въ духовной семинаріи. Завѣдующимъ школы былъ назначенъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ соответствующій важному дѣлу (Красильниковъ), а помощникомъ ему довольно развитой и смѣланный изъ природныхъ калмыковъ (Школасъ). Съ годами развиваясь и расширяясь, эта школа и по настоящее время служить предметомъ особыхъ попеченій Комитета, и съ своей стороны принесла дѣлу миссіи немалую пользу. Уже въ отчетѣ 1898 г. Коми-

теть заявлялъ, что эта школа, находясь въ весьма удовлетворительномъ состояніи, вполне оправдываетъ свое назначеніе. Изъ 7 окончившихъ курсъ въ ней учениковъ, четверо поступили учителями миссіонерскихъ школъ и двое помощниками и по свидѣтельству миссіонеровъ, всѣ они отличались усердіемъ къ дѣлу и добрымъ направленіемъ, хотя и не всѣ обладали надлежащими учительскими приемами. Черезъ годъ Комитетъ снова удостовѣрялъ, что состоящіе на службѣ калмычата изъ крещено калмыцкой школы съ успѣхомъ несутъ учительскія и псаломническія обязанности, могутъ вести и религіозныя собесѣдованія, а потому онъ, Комитетъ, съ упованіемъ смотритъ на эту школу, которая готовится для Астрах. епархіи дѣятелей изъ природныхъ калмыковъ. Въ 1900 году на службѣ по миссіи состояло уже 11 учениковъ этой школы, причѣмъ одинъ изъ нихъ (Загоскинъ) поступилъ помощникомъ учителя въ самую 2-хъ-классную школу. Такой быстрый ростъ школы скоро привелъ къ практическимъ неудобствамъ: некуда стало дѣвать оканчивающихъ курсъ питомцевъ, да и не всѣ они могли получать достаточную подготовку для миссіи. Такъ въ 1902 г. изъ школы выпущены были 9 учениковъ; изъ нихъ трое отправлены для лучшей подготовки къ учительской дѣятельности въ Казанскую учительскую семинарію, двое опредѣлены учителями миссіонер. школъ, одинъ псаломникомъ, а остальные трое никакого назначенія не получили. А въ слѣдующемъ 1903 году Комитетъ уже заявляетъ прямо, что наша миссіонерская двухклассная школа, многіе питомцы которой занимаютъ учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ миссіонерскихъ школахъ, можетъ только давать хорошихъ учителей для школы грамоты, а не церковно-приходскихъ, въ которыхъ такія учащія лица, будучи не вполне подготовленными къ дѣлу и часто находясь вдали отъ руководителей, не въ состояніи вести надлежащимъ образомъ занятія, тѣмъ болѣе, что они, по своей природной косности и лѣни, не прилагаютъ особеннаго старанія къ возобновленію своихъ знаній, пріобрѣтенныхъ въ школь, и къ восполненію ихъ посредствомъ серьезнаго чтенія методическихъ и другихъ пособій. Комитету пришлось замѣнять малоопытныхъ другими лицами, или переводить ихъ на другія мѣста. Послѣ этого, назначать прямо на службу кончающихъ курсъ въ школь было уже нельзя безъ надлежащаго испытанія въ знаніяхъ и дальнѣйшей специальной подготовки. Такъ судьба 8 учениковъ выпускнаго курса 1907 г.

опредѣлилась слѣдующимъ образомъ. Одинъ изъ нихъ выдержалъ экзаменъ на псаломщика, одинъ—на званіе народнаго учителя съ правомъ преподаванія въ двухклассныхъ Мин. Нар. Пр. училищахъ; одинъ поступилъ въ Казанскую учительскую семинарію, двое—на миссіонерскіе курсы; одинъ на должность учителя въ школу грамоты, одинъ—на частную службу, и послѣдній ламаитъ—учителемъ родовой школы. Что же касается до званія миссіонера—священника, то ни одинъ изъ питомцевъ этой школы такого еще не достигалъ. Нужно замѣтить, что въ послѣднее время число калмычатъ въ школахъ стало сильно уменьшаться, особенно послѣ того, какъ въ 1906 г. на Калмыцкомъ Базарѣ открыта была своя калмыцкая школа; да и изъ степныхъ миссіонерскихъ школъ теперь присылаются ученики не всегда и въ меньшемъ числѣ.

2. *О пріискиваніи миссіонеровъ.* Вопросъ о необходимости для миссіи имѣть священниковъ изъ калмыковъ, или, по крайней мѣрѣ, знающихъ калмыцкій языкъ и спеціально знакомыхъ съ ученіемъ ламаизма, возникъ при преосв. Хрисанфѣ, въ первомъ же засѣданіи Комитета (27 апр. 1875 г.). Тогда же обращено было вниманіе на единственнаго знатока ламаизма и калмыцк. языка свящ. П. Смирнова, который жилъ при Походно-улуйской церкви въ устьи Волги, на прибрежьи моря, гдѣ стекаются рабочіе калмыки. Дѣятельность его до сего времени состояла большею частью въ разныхъ переводахъ на калмыцкій языкъ. Комитетъ выразилъ желаніе, чтобы о. Смирновъ, не ограничиваясь одними переводами, направилъ свою дѣятельность и на обращеніе въ христіанство калмыковъ, населяющихъ мѣстность вблизи его походной церкви. Въ виду чего, опредѣлено было назначить о. Смирнову изъ суммъ Комитета, сверхъ получаемаго имъ жалованья, еще по 300 руб. въ годъ, какъ въ вознагражденіе за труды его по переводамъ, весьма важнымъ для миссіонерскихъ цѣлей, такъ и въ поощреніе его къ расширенію своей дѣятельности по обращенію калмыковъ. Но самъ о. Смирновъ по сему вопросу былъ особаго мнѣнія. Въ январѣ 1876 года, представляя Его Преосвященству свой новый переводъ на калмыцкій языкъ тропарей и кондаковъ, онъ заявлялъ, что лучшимъ средствомъ къ обращенію калмыковъ въ христіанство можетъ служить совершеніе литургіи на калмыцкомъ языкѣ. Проповѣдывать же слово Божіе въ отдѣльныхъ калмыцкихъ юртахъ онъ находилъ крайне неудобнымъ. Ссылаясь на пережитый

имъ опытъ, онъ удостовѣрялъ, что при частныхъ посѣщеніяхъ юртъ слушателей бываетъ мало: только два старшихъ члена семейства и при нихъ еще какой-нибудь подростокъ,— но и тѣ озабочены дневнымъ пропитаніемъ себя и охраненіемъ небольшого скотоводства. Кромѣ того, при собесѣдованіяхъ о предметахъ вѣры, калмыки вообще отвѣчаютъ неопредѣленно; нѣкоторые высказывали, что у нихъ есть духовенство (возведенное ими на степень божества), которое одно и можетъ, по ихъ понятію, вести бесѣды о предметахъ вѣры. Когда же калмыки узнаютъ, что въ христіанской церкви совершается богослуженіе на ихъ нарѣчій и входъ туда имъ не возбраняется (а гелюны запрещаютъ простолюди-намъ входить въ хурулы во время службы), то, оторвавшись на время отъ семьи и хозяйства, изъ любопытства придутъ въ церковь къ бого-служенію, во время котораго слухъ ихъ будетъ оглашаться молитвами и поученіемъ на калмыцк. языкѣ, взору ихъ представятся иконы и вообще благолѣпіе храма; здѣсь они, естественно, хотя на время поду-маютъ и обратятъ вниманіе на ученіе вѣры и на предлагаемыя имъ поученія. Комитетъ, однако, не согласился съ разсужденіями о. Смирнова, съ одной стороны потому, что по церковнымъ законамъ язычники не могутъ присутствовать при совершеніи христіанскихъ таинствъ и должны оставлять храмъ при началѣ литургіи вѣрныхъ. Самое употребленіе пере-водовъ на калмыцк. яз. въ церкви можетъ быть дозволено лишь съ раз-рѣшенія Св. Синода, который дозволяетъ это не иначе, какъ по отзыву специалистовъ о пригодности и вѣрности переводовъ. Поэтому слишкомъ долго пришлось бы ждать, пока явится возможность воспользо-ваться на практикѣ предлагаемою о. Смирновымъ мѣрою. Съ другой стороны, Ко-митетъ сомнѣвался, чтобы калмыкъ, не слышавшій никогда о христіан-скомъ Богѣ и религіи, достаточно понялъ совершаемую службу въ правосл. церкви, а равно и предлагаемыя ему поученія, безъ предвари-тельныхъ съ нимъ собесѣдованій о христіанской вѣрѣ. Поэтому Коми-тетъ рекомендовалъ свящ. Смирнову, чтобы онъ посѣщалъ калмыцк. кибитки и входилъ въ бесѣду съ калмыцкимъ духовенствомъ, обращая вниманіе его на высокое преимущество христіан. религіи предъ ламаиз-момъ. Къ этому Комитетъ счелъ нужнымъ присовокупить¹ о. Смирнову, что ему назначено добавочныхъ 300 руб. въ годъ, именно, въ по-ощреніе къ расширенію дѣятельности его по обращенію калмыковъ и что Комитетъ ожидаетъ отъ него отчета въ этой дѣятельности.

Ровно через год послѣ этого, свящ. Смирновъ подалъ въ Комитетъ заявленіе (19 янв. 1877 г.), что по разстроенному здоровью и слабости зрѣнія, онъ болѣе не можетъ заниматься переводами на калмыцкій языкъ богослужебныхъ книгъ, а потому просилъ выдаваемому добавочному жалованью въ 300 руб. на будущее время дать другое назначеніе. Преосвященный освободилъ его не только отъ переводовъ, но и отъ походной церкви, предоставивъ ему мѣсто при семинарской церкви. Назначаемые, по нуждѣ, на должность миссіонеровъ, іеромонахи мѣстныхъ монастырей еще болѣе убѣждали Комитетъ въ необходимости изыскать на этомъ поприщѣ лицъ, знающихъ калмыцкій языкъ. Вотъ почему Преосвящ. Евгеній отъ 27 февраля 1882 года далъ мѣстной Консисторіи предложеніе собрать свѣдѣнія, кто изъ священно-церковно-служителей астрах. епархіи знаетъ и въ какой степени языки калмыцкій и татарскій. Изъ тщательно собранныхъ чрезъ благочинныхъ свѣдѣній оказалось, что во всей епархіи владѣть ищевеннымъ и разговорнымъ калмыцкимъ языкомъ только одинъ прот. П. Смирновъ. 8 человекъ умѣютъ читать по-калмыцки и отчасти писать. Но понимать книги и говорить по калмыцки никто не можетъ. Человекъ 5 знали когда-то читать и нѣсколько понимали по-татарски, но позабыли. Послѣ этого преосвященный 29 іюня предложилъ консисторіи пригласить чрезъ Епарх. Вѣд. священниковъ и окончившихъ курсъ семинаріи, знающихъ калмыцкій языкъ, не пожелаетъ ли кто изъ нихъ быть миссіонеромъ въ одномъ изъ становъ, и объявить, что нужны также ищевенники, знающіе по-калмыцки, и что могутъ заявить желаніе быть миссіонерами и незнающіе калмыцкаго языка, но принявшіе твердое намѣреніе изучить его. На такой вызовъ откликнулись двое: діаконъ Косьма Курановъ, пожелавшій занять мѣсто миссіонера въ Уланъ-Эрге и заявившій охоту изучить калмыцкій языкъ, и діаконъ Дмитріевскій изъ окончившихъ курсъ семинаріи, умѣющій читать по калмыцки и обѣщавшійся заняться изученіемъ разговорнаго языка. Курановъ опредѣленъ былъ въ Уланъ-Эрге, а Дмитріевскій къ походно-улушной церкви, — оба съ производствомъ во священники. Въ Новизъ-Ширѣ, за неимѣніемъ желающихъ и способныхъ, временно опредѣленъ іеромонахъ Покровоболдинскаго монастыря Амвросій. Не имѣя въ своемъ распоряженіи подходящихъ лицъ, Комитетъ въ январѣ слѣдующаго 1883 года просилъ московскій Совѣтъ Мисс. Об-ва указать, если возможно, лицъ, способныхъ занять должности миссіонера.

переводчика, учителя при миссіонерскихъ станахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ за-просилъ о томъ же и Казанское Братство св. Гурія. Изъ обоихъ мѣстъ въ отвѣтъ сообщалось, что нѣтъ лицъ, способныхъ и желающихъ за-нять миссіонерскія и учительскія должности среди калмыковъ. Гораздо позже, а именно отъ 17 мая 1890 года, профес. Казанской дух. ака-деміи рекомендовалъ 3-хъ кандидатовъ для миссіонерскаго дѣла изъ студентовъ академіи, прослушавшихъ миссіонерскіе предметы по мон-голо-калмыцкой группѣ. Но Комитетъ, при всемъ своемъ желаніи имѣть миссіонеромъ, хотя одного изъ рекомендованныхъ кандидатовъ, не на-шелъ возможнымъ въ томъ году опредѣлить кого-либо изъ нихъ на долж-ность миссіонера, по неимѣнію средствъ для назначенія ему болѣе или менѣе приличнаго вознагражденія. Между прочимъ, одному изъ такихъ кандидатовъ выпуска 1890 г., уроженцу Астраханской губерніи, Іоанну Фіалкину, не получившему никакого назначенія и не имѣющему никакихъ средствъ, предсѣдателемъ Комитета предлагалось за увеличенную пла-ту занять одно изъ миссіонерскихъ мѣстъ въ епархіи; но онъ, несмо-тря на стѣснительныя условія въ матеріальномъ отношеніи, положи-тельно отказался отъ предложеннаго мѣста. Вообще съ 1890-хъ годовъ об-наруживается значительный наплывъ кандидатовъ въ миссіонеры изъ окончившихъ курсъ Казанской учительской семинаріи и изъ слушателей миссіонерскихъ курсовъ при Казанской академіи; почему забота Коми-тета о подысканіи достойныхъ миссіонеровъ съ этого времени сдѣлалась менѣе острой, хотя окончательнаго не прекратилась и теперь, ввиду ча-стаго бѣгства миссіонеровъ въ приходы съ русскимъ населеніемъ.

Недостатокъ вполне подготовленныхъ къ дѣлу миссіонеровъ застав-лялъ Комитетъ обращаться къ содѣйствию заурядныхъ приходскихъ свя-щенниковъ, проживающихъ вблизи калмыцкихъ кочевьевъ. Починъ къ тому сдѣланъ былъ еще при Преосвящ. Θεогностѣ. Въ послѣдствіи благо-чинные въ своихъ годовыхъ отчетахъ свидѣтельствовали о таковыхъ священникахъ, что они, насколько позволяли имъ прямыя приходскія обязанности, съ усердіемъ трудились по дѣлу миссіонерства и успѣвали настолько, что крещеные калмыки безъ принужденія ходили въ церковь и исполняли всѣ христіанскія требы. Такимъ священникамъ Комитетъ выражалъ свою благодарность. По поводу сообщеній тѣхъ же благочин-ныхъ о несочувственныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ къ дѣлу миссіи, Преосвященные предсѣдатели Комитета разъясняли ду-